

НАСЛЕДИЕ БОГОВ

Алексей Корепанов

Книга 4

КОПЬЕ И КРОВЬ

«Копье и кровь» — четвертая книга А. Корепанова из фантастического цикла «Наследие богов».

Может ли рассчитывать на независимость Нова-Марса горстка жрецов Беллизона, осмелившихся противодействовать огромной Империи со всей ее военной мощью? Сумеет ли добиться своего «Верона» — тайный альянс трех планет? И есть ли шансы уцелеть у человека, который противопоставил себя руководящим кругам Румы Юниона? Спецслужбы свое дело знают и идут по следу. Что впереди? И этот вопрос вдруг приобретает глобальное значение...

Алексей Корепанов

Копье и кровь

НАСЛЕДИЕ БОГОВ:

Мечь Триединого.

Сокровище Империи.

Оружие Аполлона.

Копье и кровь.

Загородная резиденция Императора была битком набита разнообразными средствами внешнего наблюдения и поражения, что делало ее одним из самых безопасных для проживания мест во всей Галактике. Однако эти средства никак не отреагировали на появление над садом макушки утреннего солнца. Его лучи беспрепятственно проникли сквозь прозрачную стену крытой галереи, освещая беломраморные бюсты знаменитых личностей Древнего Рима. Галерея была длинной и бюстов в ней хватало. И вряд ли хоть кто-то из этих мужей мог представить себе, что их скульптурные изображения будут стоять не на римских холмах, а на далекой планете, получившей название Вери Рома — Истинный Рим. Невысокий крепко сбитый мужчина в сине-белом свитере и джинсах цвета индиго неторопливо шагал к выходу, и его тень падала то на один, то на другой мраморный лик. В

этом можно было при желании усмотреть некую символичность: глава Сената Рима Юниона¹ Цезарь Юлий, «в миру» Аллен Сюрре, безусловно, затмевал мощью своей власти любого из этих древних правителей, будь то Нерон, Калигула или Траян. Точнее, всех сразу. Но Императору такие мысли в голову не приходили. Он вообще на эти бюсты обращал внимания не больше, чем на какие-нибудь столы или стулья в комнатах резиденции. Элементы интерьера, только и всего.

«Древнеримская тема» была начата еще до него, и Цезарь Юлий не собирался менять эту традицию. Никакого фанатизма он не проявлял и не призывал население на каждом углу петь хвалу Империи. Аллен Сюрре просто подчеркивал в своих выступлениях неизменный характер власти, чьи усилия направлены на приумножение блага каждого римлянина, и тем самым продолжал линию своего предшественника Цезаря Бертрана. Тот усеял чуть ли не все планеты Империи плитами с изречениями Овидия, Горация, Сенеки и прочих и многое переименовал на древнеримский лад. Цезарь Юлий пополнил число таких плит и тоже кое-что

¹ Рома Юнион — на языке Империи, терлине (от лат. terra lingua), означает «Римский Союз». (Здесь и далее — примечания автора.)

переименовал. Он был убежден в том, что последовательность в подобных делах идет только на пользу обществу. Гражданам Ромы Юниона надлежало чуть ли не с младенчества проникнуться идеей о том, что лишь имперская форма правления гарантирует им благополучие и процветание. Образ великой Империи — отражения и преемницы Древнего Рима, но отражения гораздо более яркого, чем то старинное земное государство — должен был постоянно присутствовать в сердцах ромсов. Или всестороннее развитие и пользование всеми благами цивилизации — или прозябание, а то и погружение во тьму хаоса. Иного не дано.

Аллен Сюрре не считал себя ни демагогом, ни лицемером. Он искренне верил в то, что именно такое государственное устройство является оптимальным для галактического сообщества, включающего в себя полторы сотни миров тридцати трех планетных систем. И ради сохранения целостности этого сообщества готов был пойти на действия, которые выходят за рамки «высокой морали». И не только готов был, но и совершал их. «Ложь во благо» — Аллен Сюрре принимал это понятие без какого-либо внутреннего сопротивления. И был полностью согласен со словами Овидия: «Результат оправдывает действие». Императору на самом деле было больно от того, что до сих пор в РOME Юнионе

существовали силы, стремившиеся разорвать единый имперский организм, обособиться от него. Нельзя было дать этим силам разгуляться, требовалось обуздать их, подавить, растоптать. Не ради собственной безопасности, нет! Ради процветания всего сообщества, существующего в звездной системе Виа Лактеа — Млечный Путь. А ведь кроме внутренних сил возникла и сила внешняя. И возникла не сегодня и не вчера — просто раньше из проявления этой силы в разных местах Империи делались неправильные выводы...

На лужайках за стеной галереи били фонтанчики, и водяные струи серебром проливались в подстриженную траву. Пушистые короткохвостые рыжки гонялись друг за другом, ныряли в кусты, карабкались на деревья, качались на ветках, прятались в листве и вновь выскакивали на лужайки. Ноябрьское утро было прозрачным, оно обещало обернуться прекрасным днем, но Аллен Сюрре не замечал его прелести. С каждым шагом он был все ближе к двери, а за дверью, на площадке, ждал императорский уникар и машины сопровождения. Через полчаса в Октагоне ² состоится совещание малого круга, и он, Цезарь

² Октагон, он же Палатин — резиденция Императора в Грэнд Роме, столице Империи.

Юлий, будет строгим и даже жестким. Потому что нет ничего хуже, чем оказаться перед лицом внешней угрозы, имея серьезные внутренние проблемы. И в этом никак нельзя было брать пример с Древнего Рима.

Настроения Императору не прибавлял и приснившийся, кажется, перед самым пробуждением плохой сон. Ни одного образа из этого сна не запомнилось, они безвозвратно рассеялись, как только Аллен Сюрре открыл глаза. Но ощущение того, что приснилось именно плохое, вьелось в сознание, как клеймо, и избавиться от него не получалось.

Нова-Марс... У Императора не было ни капли сомнения в том, что жрецы Беллизона не простят ему обмана. Он обещал им убрать с их планеты всех тех, кого они считали чужаками, в обмен на помощь в изъятии у Братства Хранителей Копья Судьбы. Братства больше не существовало, оно испепелилось в пламени атомного взрыва вместе с десантной группировкой легиона «Аполлон». Копье Судьбы перекочевало в глубины Октагона. А что получили беллизонские жрецы? Ничего они не получили. И не получат. И нужно будет в самое ближайшее время покончить с ними, не допуская нового мятежа. А новый мятеж — Цезарь Юлий был уверен в этом — не пошел бы ни в какое сравнение с недавним, потихоньку сошедшим на нет.

Складывалось такое впечатление, что беллизонцы кинули пробный шар и успокоились, когда имперские войска прекратили боевые действия. Они не знали, что Император отдал этот приказ, касавшийся всех горячих точек, только из-за утраты Копья. Аллен Сюрре просто не представлял себе, какой урон могут понести вооруженные силы, и не хотел рисковать. Да и что там скрывать: лишившись залога успеха, он просто растерялся...

А ведь была еще «Верона»... Даже не кость в горле, а дуло у виска! Безусловно, удалось добиться определенных результатов в борьбе с этой троицей планет — Великолепной, Роуз и Натали, — которые вознамерились отколоться от Империи, однако рано было говорить о том, что дело подходит к последней точке в противостоянии. До точки было еще далеко, на ее месте пока расположилось многоточие.

Правда, все это были язвы внутренние; они беспокоили, они мешали нормальной жизни, но поддавались лечению. Тем более что Копье Судьбы — залог непобедимости, вновь находилось в Октагоне. А вот что предпринять для отражения внешней угрозы, Аллен Сюрре пока видел довольно смутно. Если, конечно, это была именно угроза.

Некие существа из иной, чем-то больной Вселенной, просились под бок, заверяя, что речь идет о мирном сосуществовании и взаимодействии,

направленном на общее благо. Но так ли это? От вторжения их сдерживало Копье Судьбы. Этот удивительный объект — точнее, объекты, — оставленные в древние времена на Земле какой-то могущественной цивилизацией, будто бы гарантировали победу тому, кто ими обладает. Но, во-первых, как следовало из земной истории, не всегда. А во-вторых, какой может быть цена победы? Что если после противостояния, которое завершится уничтожением Иных, от всей Империи останутся лишь две-три почти обезлюдевшие планеты? Велика ли будет радость от такой победы? Чужаки постоянно наблюдали за Копьем, они уже сделали попытку похитить его — руками своих агентов. И такие попытки не прекратятся. Каковы возможности Иных? Какое у них оружие? Да какое бы ни было — в любом случае на повестке дня стоял вопрос дальнейшего повышения военной мощи Империи.

Проще всего было бы считать Иных выдумкой, а их «агентов» — людьми, подвергшимися психотропному воздействию веронцев. Но ведь этот парень, Кристиан Габлер, имел контакт с чужаком на планете Аполлон, где нет никаких веронцев!

Иные обещали мир и дружбу... Если верить Габлеру.

А вот как насчет самого Габлера?

Император нахмурился и замедлил шаг. Прозрачные двери разъехались перед ним, и он вышел на крыльцо.

Через несколько минут красно-белый императорский уникар взмыл над площадкой и в сопровождении двух пар боевых машин помчался к столице.

Глава 1. Еще не вечер

Когда сознание вернулось, одним рывком вынырнув из каких-то неведомых глубин, он увидел перед собой Низу. Не ту девушку, что с перерезанным горлом лежала на траве в аполлонском лесу, а ту, что одиноко сидела за столиком в кабаке приморской Александрии и едва заметно улыбалась ему. Как прекрасная земная царица, имя которой он опять забыл. Он сразу подумал, что видит сон, но через мгновение усомнился в этом: тот, кому что-то снится, вряд ли будет во сне говорить себе, что это именно сон. Однако и явью глядящая на него девушка быть никак не могла.

«Тогда что же? — спросил он себя. — Видение? А что такое видение?...»

А еще он подумал о том, что просто вновь *чувствует* Низу. Но почти сразу понял, что это не так. Ведь на ней было зеленое платье с

полукруглым вырезом и длинными узкими рукавами, в котором он впервые увидел ее в Александрии. А откуда могло взяться это платье в госпитале легиона «Аполлон»? В госпиталь Низу доставили в комбинезоне, хоть и тоже зеленом. И как только он это сообразил, лицо жрицы Триединого словно потускнело и улыбка исчезла с ее губ.

«Низа, ты жива?» — хотел спросить он, но не успел.

Не было уже перед ним беллизонки, ее место занимала другая женщина. И эту женщину он тоже знал. И странно — теперь ее лицо вовсе не представлялось ему некрасивым. И тонкие губы не вызывали прежнего содрогания, и подбородок был не таким уж и острым, а изумрудные глаза казались еще привлекательнее, чем раньше. Лили Акимжанов сменила костюм цвета вечеряющего неба, в котором он видел ее совсем недавно — или давно? — на блузку цвета кофе и серые брюки. А гладкие черные волосы по-прежнему были собраны в хвостик и лежали на плече.

Он смотрел на нее и пытался сообразить, что же тут не клеится. И наконец понял: он не должен сейчас никого видеть. И даже не так: он вообще не должен видеть. Потому что его убили. Или за порогом жизни все-таки есть своя жизнь?

— Ли... ли... — Эти два слога дались ему с

трудом.

Он попытался привстать, но смог лишь чуть-чуть пошевелиться. Казалось, тело существует независимо от личности, которую именуют — или именовали? — Кристиан Конрад Габлер, и находится где-то далеко. Он чувствовал, что лицо его исказилось от напряжения, словно он старается поднять непосильную тяжесть, и кровь толчками бьет в виски. И это не то чтобы радовало, но как-то успокаивало: вероятно, он действительно был жив, и труп его не лежал в столичном парке. Воспоминание об этом парке было его последним воспоминанием. Болезненный укол в шею — и расплывающийся в вечернем небе герб Империи...

— Не дергайся... Кристиан, — сказала Лили, чуть подавшись к нему. Как оказалось, она сидела, а он лежал. — У тебя пока ничего не получится.

Ее «пока» обнадеживало.

— Что... со мной?

Вопрос был такой прогнозируемый, что Лили ответила, не дожидаясь, пока Крис договорит до конца.

— Это «веретено».

— Ве...

— Ты же, как я поняла, служил в Стафле³.

³ Стафл (от англ. star fleet) — Звездный флот.

Должен знать, что это такое.

Разумеется, Габлер знал, что такое «веретено». Инструктор Лукьянов по прозвищу Сверло на своих занятиях отвлекаться и дремать никому не давал. Даже те файтеры⁴, кто всю ночь провел в обеих нью-бобринецких «Русалках» — кабаке и коллхаусе⁵, волей-неволей впитывали знания, потому что другого выхода у них просто не было. «Веретенном» именовали смесь, вызывавшую при попадании в организм потерю сознания и почти мгновенный длительный паралич. Ее наносили на острие иглонок, а иглолки доставлялись к цели с помощью пневматического иглогана. Против облаченных в боевые комбинезоны файтеров такое оружие было бессильно, но ведь не все же население Империи ходило в таких комбинезонах.

«Значит, грэнды⁶ не убить меня решили, а только нейтрализовать, — подумал Крис. — Но тогда почему я не у них? Почему тут не Шацкий с

⁴ Файтер («эфес», «стафл») — боец Стафла.

⁵ Коллхаус (от англ. call house) — «дом свиданий».

⁶ Грэнд (жарг.) — служащий высших органов государственной власти. (От названия столицы Империи — Грэнд Рома.)

полковником Айоном, а порвавшая с веронцами Лили? И что за партизанские методы? Не проще ли было успокоить меня из парализатора?»

— Лили... — Это у него получилось уже в один прием. — Ты что... следила за мной? А как тебе... удалось отбить меня... у грэндов?

Уроженка планеты Роуз, принадлежавшая к риголам — народу, практически уничтоженному колонистами, слегка усмехнулась:

— Отвечу сразу на оба вопроса: это я угостила тебя «веретенном». Не грэнды. Их там не было.

Голова у Криса была ясной — ведь не перегружал же себя сегодня (или «сегодня» уже превратилось во «вчера»?) спиртными напитками, — но все равно он никак не мог усвоить смысл услышанного. Лили молча смотрела на него, теперь уже без тени улыбки. Внимательно смотрела, буквально прожигала изумрудными своими глазами, которые оказывается, могли не только мягко блестеть. Прежде чем он открыл рот, собираясь спросить, на кой хрен она это сделала, риголка встала и бесстрастно произнесла:

— Напоминаю: дергаться не надо. Самое большее, что у тебя может получиться, это свалиться на пол. Хотя... — она прищурилась, — я хотела бы посмотреть, как ты валяешься на полу...
Беспомощный...

Габлер не был настолько туп, чтобы не

понять, к чему она это сказала. В не таком уж и давнем прошлом Лили Акимжанов вместе с другим агентом веронцев — Здено Шатаном, связанные, лежали перед ним на полу номера в земном отеле «Селигер». И связал их именно он, Крис Габлер.

Риголка повернулась к нему спиной, пересекла комнату и исчезла за дверью. И теперь он мог сам попробовать ответить на свой невысказанный вопрос и осмотреться. Габлер решил начать именно с осмотра — это было полегче, чем ломать мозги. Голова, кажется, поворачивалась без труда, и он даже сумел ее приподнять. Впрочем, каких-то особо ценных данных этот осмотр не принес.

Он, в свитере и джинсах, лежал на ложе у стены какого-то помещения. И туфли с него тоже не сняли. Под головой явно была подушка. Во всяком случае, что-то довольно мягкое. Стены были непрозрачными, и оставалось только гадать, где именно находится это помещение. Оно вполне могло быть комнатой в номере какого-нибудь отеля или в квартире комьюнити⁷. К такому выводу подталкивала вполне безликая мебель: кресла, стол, стулья, тумбочка в углу, стенные шкафы... Собственно, где-то так выглядело убранство его

⁷ Комьюнити — дом с наемным жильем.

комнаты на базе Твинса⁸ и квартиры в столичной многоэтажке. Разве что тивишника и компа тут не было. Скрытые светильники создавали иллюзию дневного света.

Покончив с осмотром, Габлер на всякий случай проверил свои физические возможности. И ему пришлось согласиться с Лили Акимжанов: все, что он сейчас мог — это брякнуться на пол. Настала пора делать умственные усилия и рисовать картину случившегося. И задумываться о перспективах.

Картина сотворилась достаточно легко, и была она явно не из тех, что радуют глаз и греют душу. Лили Акимжанов сполна отомстила ему за то, как он дважды обошелся с ней и Шатаном на Земле. Наврала ему в ответ на все его откровения.

Габлеру стало так обидно, что он стиснул зубы.

Провели его, словно последнего дурачка. Никуда она из «Вероны» не ушла, как рассказывала, и находилась тут, в столице Империи, на задании. Проследила за ним и вырубилась в укромном уголке прибрежного парка. Сама ли погрузила в такси или вызвала подмогу — не суть важно. Так же, как и то, куда именно она

⁸ Твинс (от англ. twin S — Security Service, Секьюрити Сервис) — Служба безопасности.

его доставила. Главное — с какой целью доставила. Намерена вытрясти из него какую-то инфу, полезную веронцам? Так он же не грэнд! А вот она недавно работала в Администрации Императора и знает побольше, чем он, Габлер. Тогда какой веронцам от него прок? Хотят поквитаться за то, что он сорвал их планы с Копьем? Медленно вытащить кишки?

«Я жив, — постарался подбодрить себя Габлер. — А значит, еще не вечер...»

Однако он тут же подумал о том, что есть места, где дневной свет почти сразу сменяется ночью, и настроение у него упало, как перепивший файтер на койку.

Но долго предаваться грустным размышлениям ему не пришлось. Дверь открылась и в комнату вошли двое. Одного Габлер знал — это был напарник Лили Здено Шатан. Вот уж кого-кого, а его Крис хотел бы видеть здесь в самую последнюю очередь. Ведь, кроме всего прочего, и по ногам от него получал Шатан, и лбом об пол Габлер его чувствительно прикладывал. Чем не причина для злости? А злость в глазах этого круглолицего коротконового крепыша с большими залысинами читалась очень хорошо. Оставалось надеяться лишь на то, что риголка успела сообщить напарнику, кто именно вызволил их из «норы» грэндов в Елисавете и на себе перенес к воротам

лечебницы «Сейнт Анна». Вкусам своим веронец не изменял — он вновь был в синем свитере и чуть более светлых по тону джинсах, и от него, в отличие от Лили, опять разило каким-то кремом. Разумеется, с «точки зрения» носа Габлера — Крис был макросматиком. Хоть Шатан и смотрел недобро, но молчал. Войдя в комнату, он шагнул в сторону, к стене у двери, и застыл там, сложив руки перед собой наподобие футболиста, готового принять на себя штрафной удар.

Второй мужчина был на голову выше Здено, и Габлер не мог с уверенностью сказать, видел ли он раньше этого плечистого широкогрудого человека. Потому что значительную часть лица вошедшего скрывали квадратные арт-очки. Почти такие же, что в свое время Крис приобрел в космопорте «Дикое поле». Они позволяли смотреть объемки и тиви и одновременно видеть окружающее. Но Габлер сразу подумал, что, в данном случае, главная функция этих очков — именно скрывать лицо. И одет был мужчина неброско — такой серовато-желтоватый комбинезон, пусть и приталенный, не вызывал желания задерживать на нем взгляд. Он походил на рабочую одежду и, возможно, на спине имелась надпись типа: «Космопорт «Манаус»». Или: «Скупка мобиков». Штанины комбинезона были заправлены в высокие ботинки, тоже вполне заурядные. Если говорить об

особых приметах, то к ним с большой натяжкой можно было отнести разве что волосы — светлые, гладкие, до половины закрывающие уши. В отличие от Шатана, этот мужчина направился к креслу, подкатил его к ложу Габлера и сел. Закинул ногу на ногу и сцепил пальцы в замок на животе. И хотя находился он в двух шагах от Криса, от него ничем не пахло. Хотя нет, Габлер все же уловил слабый аромат цветов — такие росли возле его здешнего дома на улице Тиберия Гракха, да и не только там. Очки он не снял, но Крис был уверен, что мужчина смотрит на него. И понял, что от этого человека зависит его, Габлера, судьба.

Несколько секунд прошло в тишине, и Крис почувствовал, как все сильнее бьет в виски кровь. А потом мужчина заговорил:

— В общем, так, Габлер. — Голос у него был глуховатый, но слова звучали отчетливо. — Сейчас ты все о себе расскажешь, вот. Все, как в личном деле: родился, учился, работал...

«Знает мою фамилию, — подумал Крис, — значит, уже изучил инку⁹».

Футлярчик с ней, а также банковской¹⁰ и

⁹ Инка, ин-кард (от англ. individual card) — индивидуальная карточка, удостоверение личности.

¹⁰ Банка, банк-кард — банковская карточка.

пейкой,¹¹ он привычно положил в карман джинсов, собираясь в Октагон на встречу с Императором. Как и унидеск.

— А когда с личным делом справишься, — между тем продолжал мужчина, — то со всеми подробностями поведаешь, кто и почему поручил тебе разбираться с ним, — он мотнул головой в сторону неподвижного Шатана, — и с нашей Лили. Чем все закончилось, и почему только сейчас Босс решил тебе руку пожать. И почему тебе это не понравилось, только конкретно, вот. В общем, максимум подробностей, язык свой не жалея. Тем более что он у тебя уже должен работать нормально.

«Все рассчитали», — подумал Габлер.

— А я все это послушаю и буду делать выводы, — добавил мужчина. — Только давай без вранья, это не в твоих интересах, вот. Договорились?

— Договорились, — коротко ответил Крис, чувствуя, что язык действительно уже не тормозит, как флаинг с аварийным щитом, и никаких неудобств с речью больше нет.

¹¹ Пейка, пей-кард — расчетная карточка (от англ. pay — платить).

Было странно, что этот веронец — а перед ним, несомненно, сидел веронец, — судя по всему, собирается верить ему, Габлеру, на слово. Они что, не пользуются отверткой, которая без труда снимает любую блокировку в мозгах? Не слышали о такой?

Веронец словно прочитал его мысли.

— Я не зря посоветовал без вранья, — сказал он. — У нас детектор имеется, сейчас Лили принесет. Если отвертку применять, есть вероятность мозги твои повредить, вот. А мне бы этого не хотелось... пока.

Это «пока» прозвучало как-то зловеще, и висках у Габлера опять застучали молоточки.

«Не паникуй, — сказал он себе. — Я все-таки Лили и Шатану жизнь спас. И я же им теперь не враг... И этому парню тоже...»

Дверь вновь открылась и веронец повернул очкастую голову к вошедшей в комнату риголке. Черную коробочку в ее руке Габлер поначалу принял за унидеск, но когда Лили вертикально поставила ее на стол, понял, что ошибся. Коробочка была цилиндрической и под руками риголки превратилась в нечто вроде вогнутой ширмы. Лили села на стул, пошевелила пальцами правой руки — и детектор издал короткий писклявый звук.

Видимо, веронец перехватил недоуменный взгляд Габлера, потому что пояснил, опять

повернувшись к нему:

— Тебе нашлепку на лоб прилепили, пока ты в отключке был.

Крис пошевелил кожей на лбу — ее действительно что-то стягивало. Несомненно, «нашлепка» была частью детектора. Она передавала сигналы на цилиндр-«ширму», и там возникала какая-то информационная фигура, позволявшая определить: лжет проверяемый или говорит правду. Интересными штуковинами обзавелись веронцы — то «зеркальце», то детектор... Не с голыми руками и не с палками да рогатками поднялись на борьбу с Боссом.

Габлер прикрыл глаза. Врать он не намеревался — зачем ему врать? Дело было в другом: нужно ли рассказывать о том, что он отдал забранное у Лили и Шатана Копье беллизонцам, и что оно исчезло, и ему, Крису, пришлось совершить полет на «закрытую» планету Аполлон и добыть другое Копье? И был еще одно неудобное обстоятельство. Он, Кристиан Габлер, в качестве служащего особого отряда Твинса, принимал участие в операции по захвату на Натали одного из главарей веронцев. То есть боролся с «Вероной». А теперь что — вот так вот запросто общаться с врагами?

«Но разве они твои враги? — возразил кто-то, притаившийся в его голове и время от времени

дававший о себе знать. — Ты выполнял служебный долг, но теперь-то твои воззрения изменились, не правда ли? Помнишь слова того бритоголового веронца? Ведь помнишь, только стараешься об этом не думать».

Да, Габлер помнил, что с презрением сказали ему, Портосу и Арамису в номере отеля «Поющая Майя»: «Вот вы кто: птички звездные, бесхвостые. И сами в клетке, и клеточку охраняете».

«Ну вот, — продолжали зудеть в голове. — А кто-то не хочет жить в клетке, и это его право. Ты ведь уже другой, Крис. Не так давно ты и беллизонцев считал врагами и стрелял в них. А теперь? Что ты заявил грэндам, пусть даже в запале? «Не может быть справедливым государство, глава которого — лжец. Поэтому я желаю и веронцам, и беллизонцам как можно скорее отделиться от Империи и жить своей жизнью». Вот и все, Крис. Ты никого не предаешь. Это не измена, а изменение. Ты не изменил, а изменился. И служебный долг ты не нарушаешь — ты ведь уже не на службе...»

— Ты не спи, Габлер, — услышал он голос веронца. — Ты и так часов шесть отдыхал. Ты рассказывай.

Крис открыл глаза и увидел, что арт-очки обращены к нему, Шатан стоит, выпятив нижнюю челюсть и сжав кулаки, а риголка сидит за столом и

смотрит на вогнутый экран детектора.

— Сейчас, — сказал он и повозил затылком по подушке, устраивая голову поудобней. — А потом можно будет задать несколько вопросов?

— Там видно будет, — ответил веронец. — Ну, давай, не стесняйся. Представь, что я медиар, и ты мне интервью даешь. Итак, я, Кристиан Конрад Габлер, родился в пятьдесят третьем году в городе Супергольме на планете Форпост...

— ...в системе Вулкана, — продолжил Крис.

Нельзя было сказать, что слова полились из него, как льется в стаканы спиртное в День Стафла — поначалу Габлер говорил с заминками, то и дело невольно посматривая на Лили. Но та сидела спокойно, не отводя глаз от экрана, и Крис понемногу как-то отстранился от того обстоятельства, что рассказ этот ведет не по собственной воле. Так много и долго говорить о себе ему, пожалуй, еще не приходилось. Подобное желание временами возникало только в кабаках, однако на гулянках не приветствовались длинные монологи. Хоть каждый и старался выплеснуть свое, считая, что это свое будет очень интересно всем, но один заглушал другого и получался всеобщий бардак. А тут слушатели были просто идеальные — не перебивали, не задавали вопросов, не ходили с места на место и не падали физиономией в салат. Постепенно Крис даже

увлекся собственным повествованием, он погрузился в прошлое, заново переживая тот или иной эпизод. Он вновь разговаривал с Эриком Янкером в космопорте Единорога. Оставлял Копье Судьбы в камере хранения земного вокзала «Волга». На спасательной шлюпке удирает на Марс с галеры «Луций Корнелий Сулла Фэликс». Беспомощно сидел перед вот-вот готовым убить его Янкером. Глядел на окровавленные куски, в которые превратился бывший друг, дважды предавший его. Нес к воротам лечебницы «Сейнт Анна» сначала Лили Акимжанов, а потом Здено Шатана — этот эпизод Габлер расписал во всех подробностях и с удовольствием отметил, что коротконогий силач слегка разжал кулаки. Отдавал Копье-раналлакс Энгилейнону (историю взаимоотношений с беллизонскими жрецами Крис изложил отдельным блоком). Вместе с полковником Калиной наблюдал за тем, как струей света безвозвратно уходит в небеса главное сокровище Империи. Вместе с Анизателлой летел на Аполлон. Пробирался по горам к базе Братства Хранителей. Вновь видел, как полковник Айон прячет под комбинезон футляр с Копьем, забранным у патриарха Феодора. Летел на уникаре, направляясь в Октагон, и далеко впереди взрывалась в воздухе машина Арамиса. Пожимал протянутую ему Императором руку. И вновь

слышал голос грэнда Солтио Шацкого: «Бывают такие ситуации, когда приходится давать заведомо невыполнимые обещания». От этих слов у Криса тогда все перевернулось в голове.

Хоть и подробным был рассказ, но все-таки Габлер кое о чем умолчал. Не стал говорить о стычках с агентами веронцев, и чем эти стычки для них кончились. Чужаков из другой Вселенной тоже не упоминал — просто чувствовал, что этого делать не стоит. И уж тем более ни словом не обмолвился о своем отношении к жрице Триединого — Анизателле. Низе... Это было его личное, и только его.

— А теперь я хочу кое-что добавить, — сказал Крис, закончив излагать свою историю, и посмотрел на риголку. — Понятное дело, в драке все средства хороши, но зачем тебе, мистрис Акимжанов, нужно было меня глушить? Ведь ты же, когда шла за мной в парк, уже поняла, что никому о тебе я не доложил, верно? Если хотела еще пообщаться... ну, там, поблагодарить, что не оставил тебя и напарника твоего помирать в норе грэндов — так просто подошла бы, посидели бы вместе. Поговорили.

Лили поставила локти на стол, уткнулась подбородком в сплетенные пальцы и продолжала молча глядеть на экран.

— Подожди с вопросами, Габлер, —

недовольно произнес очкастый. — Ну что там, Лили?

— В пределах, — бросила веронка.

Здено Шатан переступил с ноги на ногу и засопел. Ему явно хотелось, чтобы детектор уличил Габлера во вранье.

— В пределах... — задумчиво повторил очкастый и хмыкнул. — Мистер Габлер не стал затрагивать тему контактов... а точнее, противоборств с нашими соратниками. Но ладно, мы и так в курсе.

Крис отметил это «мистер» и приободрился. Да и тело, кажется, уже начинало подчиняться ему, а значит, шансы на успех в случае каких-либо осложнений возрастали. Хотя он надеялся, что до осложнений дело не дойдет — ему теперь нечего делить с веронцами.

— Могу и о противоборствах, — сказал он. — И так же правдиво. Мне врать незачем, я не на задании.

Очкастый, судя по движениям губ, скорее, слегка поморщился, чем улыбнулся.

— Не надо. — Он потер кончиками пальцев подлокотники кресла. — О Копье ты интересные вещи рассказал. Выходит, оно уже не то... Впрочем, ничего от этого, к сожалению, не меняется. Было у Босса одно Копье, стало другое. Задача та же, вот. — Веронец подался вперед и

протянул Крису руку: — Давай знакомиться, мистер Габлер. Я Каррин.

Крис сделал вид, что движения даются ему с трудом, и получилось так, что вместо рукопожатия очкастый просто сдавил нарочито вялые пальцы Габлера. Бывший файтер легиона «Минерва» и, вероятно, теперь уже и бывший твинсер особого отряда на всякий случай осторожничал.

— Каррины — это такие звери у нас на Роузе, — пояснил веронец, вновь закинув ногу на ногу. — Ягуаров видел?

— Живьем нет, но представление имею, — ответил Крис.

— Вот. Только каррины крупнее, а пятна помельче. Сам понимаешь, имя мое тебе знать ни к чему и лицо видеть тоже.

Естественно, Габлер это очень даже понимал. Если что — даже с применением отвертки он не сможет сообщить интересующимся что-то внятное об этом веронце. А Лили и Шатану скрывать лица было бесполезно, потому что он, Крис, видел их не раз. И, между прочим, риголку — и совершенно обнаженной.

— Ничего, я не в претензии. — Крис позволил себе усмехнуться. — Знакомство у нас случайное, как началось, так и кончится. Обо мне ты все узнал, о себе, как я понимаю, не расскажешь... Да и не нужно. У меня свои заботы, у вас свои. — Он обвел

взглядом всех троих.

Шатан, судя по его настороженной физиономии, бдительность терять не собирался, и был, несомненно, прав: поручили следить за поведением предполагаемого противника — следи. Лили не спешила складывать приборчик, способный отличать правду от лжи. Точнее, ложь от того, что сам проверяемый считает правдой.

Каррин поправил очки.

— Заботы могут стать и общими.

Поскольку голос у него был глуховатый, это прозвучало почти таинственно, однако Габлер сразу сообразил, на что намекает веронец. Можно было незамедлительно ответить отказом, но Крис уже не был таким олухом (именно так он себя и охарактеризовал), как раньше. Во всяком случае, он чувствовал, что жизненного опыта у него теперь гораздо больше, чем три с половиной месяца назад, до встречи с Эриком Янкером.

Как растолковал Каррин молчание Габлера, было непонятно. Веронец некоторое время покачивал ногой, а потом полез в нагрудный карман комбинезона и извлек тонкий футляр с кардами и черную плитку унидеска.

— Вот, возвращаю, — сказал он и положил вещи Габлера на ложе. — В контактах мы порылись, извиняться не буду.

— Ну и как? — вновь усмехнулся Крис. — В

связях, порочащих его, замечен не был?

— Кого — «его»? — не понял Каррин. — Мы в *твоем* деске порылись.

Вероятно, он не смотрел любимую файтерами тиви-арту «Семнадцать весенних мгновений» о секретном сотруднике имперских спецслужб, который действовал в государственных структурах врагов на придуманной планете Алеманния.

— Ну и на здоровье, — не стал ничего объяснять Габлер.

Каррин запустил руку в другой карман — набедренный — и вытащил белую фигурку единорога.

— И это тоже возвращаю. Красивый зверь, вот. Босс вручил?

— Нет. Купил в подарок.

Крис не стал говорить, что мраморным рогом этого зверя, приобретенного в Кришне, в сувенирке «Диковинки Единорога», он выколол глаз бывшему своему сослуживцу Годзилле — агенту Иных. И что после встречи с Императором эту вещь наконец-то отдал ему полковник Калина. И что для подарка отцу фигурка уже не годилась.

— А теперь вопросы можно? — спросил он, забрав однорогого красавца с ладони Каррина.

— Теперь можно, — кивнул веронец и повернулся к Шатану. — Здено, бери стул и садись, мистер Габлер уже перешел в другую категорию.

— Это какую же? — хмуро осведомился крепыш, не сдвинувшись со своей позиции.

— В категорию нейтралов, — пояснил Каррин. — Как минимум. Давай, садись. Считай, что это приказ.

— Выходит, его теперь и пальцем нельзя тронуть? — пробурчал Здено, направляясь к ближайшему стулу.

— Если хочешь, мистер Шатан, можем устроить махалово, — миролюбивым тоном предложил Габлер. — Только не сейчас. Попозже.

— Не цепляйся к файтеру-твинсеру. — В голосе Каррина прорезались строгие и даже властные нотки. — Как-нибудь в другой раз.

Шатан поставил стул так, чтобы тот преграждал Габлеру путь к двери. Уселся на него и заявил:

— А лучше бы не детектором пощупать, а отверткой. Слишком ловко у него все получилось для обычного файтера.

— Я польщен, — скромно сказал Крис. — Но что такое «обычный файтер», мистер Шатан? Это же, блип, не ученик младших классов, и не отельмен какой-нибудь, и не серв из кабака. Нас же учат чему-то, мы же не стадо пасем, а Империю защи... — Он осекся.

— Здено, уймись, — совсем уж ледяным тоном процедил Каррин. — Если бы Кристиан

работал на палатинцев, он бы от Лили не отцепился, и ты это знаешь. К чему эти разговоры?

— Отцепился, не отцепился... — проворчал Шатан и махнул рукой. — Ладно, умолкаю.

— Замечательно, — сказал Каррин. — Так что у тебя за вопросы, Кристиан?

— Сначала насчет Арамиса. Это вы его?

— Нет, — мотнул головой веронец. — Мы ничего не знали ни о вашем полете на Аполлон, ни о возвращении. Сейчас впервые от тебя слышали, вот. Если не веришь, давай, проверяй меня на детекторе. — Он повел головой в сторону стола. — Или пошлю Здено за отверткой.

— Мне сказали, что есть такие... «летающие невидимки», — произнес Габлер. — Их трудно обнаружить.

Каррин пожал плечами:

— Много есть всякого. Но повторяю: мы о вашем возвращении с Аполлона ничего не знали.

— Значит, действительно грэнды... — тихо сказал Крис. — И Низу тоже они...

— Ты был бы следующим, — заметил Каррин. — Так что считай, Лили тебя спасла. Теперь вы в расчете, вот.

— Не совсем, — возразил Габлер и посмотрел на риголку. — Конечно, Лили, ты можешь этим не заморачиваться... И я понимаю, что ты считала меня врагом... Но все-таки мне как-то неприятно.

То грэнды обманули, то ты. Блип, так я вообще скоро никому не буду верить! Ведь кто-то совсем недавно говорил, что будет летать в другой стае. Это же была совсем необязательная ложь, согласишься, Лили!

Риголка положила руки на стол и повернула к нему голову. И Крис увидел, что она улыбается. Не мстительно, не злорадно, а очень даже добродушно. И от этой улыбки ее лицо еще больше похорошело.

— Я просто не совсем точно выразилась... Кристиан, — сказала она, и вид у нее при этом был вполне невинный. Ну разве что во взгляде сквозили озорство и хитринка. — Или ты не так меня понял. Я сказала, что не собираюсь сдаваться и тоже буду летать. Только в другой стае. Это нужно было понимать не как что-то из области грядущего, а как констатацию факта. Я действительно не собираюсь сдаваться и летаю в другой стае. Уже летаю! — В ее и без того блестящих глазах вспыхнул свет победы.

— Вот так наша Лили умеет выкручиваться, — сказал Габлеру Каррин, и теперь уже было понятно, что он именно улыбается. — А на детекторе ее проверить не получится, она его успеет из строя вывести. Об отвертке же не может быть и речи, мы нашу Лили ценим.

— Кажется, я чего-то не понимаю... — пробормотал Крис.

Он даже забыл притворяться беспомощным и, рывком подняв голову, сел и спустил ноги с ложа.

— Ага, — удовлетворенно кивнул Каррин. — Давно пора, «веретено»-то уже не должно действовать. Я так и думал, что ты прикидываешься. Кстати, это тебе минус, мистер Габлер, — твинсер таких проколов допускать не должен.

— Я, собственно, до настоящего твинсера так и не дорос, — сконфуженно произнес Габлер. — Регулар, четвертая категория.

О том, что таких, как он, в отряде называли «сосок», он говорить не стал.

Шатан напрягся, явно собираясь вскочить со стула и броситься на Крису, если тот попытается совершить хоть какое-то движение, которое можно растолковать как угрожающее. Лили не шевелилась, а Каррин поставил на пол и вторую ногу, сложил руки на груди и сказал:

— Вижу, ты не знаешь, что у нас в последнее время творится. Я имею в виду, в «Вероне». Лили передала мне ее с тобой разговор, но сказала она тебе не все. Так что я ее дополню, если не возражаешь. Для ясности.

— Дополни. — Габлер принялся рассовывать по карманам свои вещи. — Только, если не возражаешь, я хотел бы сначала... м-м... кое-куда пройтись.

— Давай. За дверь, в коридоре, справа.

Крис поднялся с ложа и понял, что с телом все в полном порядке — хоть прямо сейчас на тропу разведчика¹². Шатан тут же встрепенулся и тоже начал вставать со стула, но Каррин блеснул на него очками и приказал:

— Здено, сиди на месте.

Круглолицый здоровяк, состроив свирепую гримасу, плюхнулся обратно.

— Расслабься, мистер, — мягко посоветовал Габлер, проходя мимо него. — Мы же договорились, что пободаемся в другой раз.

Шатан скрипнул зубами, но промолчал.

Судя по количеству дверей в коридоре, это была трехкомнатная квартира. А может, и отдельный дом. И необязательно в столице.

— Кристиан, дверь не ошибись, — донесся из комнаты голос Каррина.

Габлер промолчал и вошел в туалет. А выйдя оттуда, обнаружил, что Шатан все-таки переместился со стула к дверному проему. Кривоногий крепыш был напряжен, как файтер перед первым прыжком с парашютом, но на этот раз Габлер удержался от советов. Просто шагнул в

¹² Тропа разведчика (жарг.) — усложненная полоса препятствий.

комнату, прошел мимо него и, увидев приглашающий жест Каррина, опустился в кресло возле стола. Лили уже превратила детектор в цилиндр и сидела на прежнем месте, как и ее командир. А в том, что главным тут был Каррин, сомневаться не приходилось. Шатан развернулся лицом к комнате, но возвращаться на свой стул явно не собирался.

— Значит, дела у нас такие, Кристиан, — начал Каррин, тоже вместе с креслом развернувшись к Габлеру. — Лили тебе правду сказала: у нас уже начали делить власть, вот. Цели еще не достигли, а власть уже делят. Правда, сейчас главное другое: Твинсу, и с твоим, к слову, участием, кое-кого удалось заграбастать, теперь идут по цепочке... Но у нас цепочки короткие и обособленные, так что... — Каррин неопределенно повел рукой и, помолчав, продолжил: — У меня своя цепочка, но я к власти не рвусь, хочешь — верь, хочешь — нет. Да, цель моя та же — независимость, но я не согласен с тем, что у власти должны быть именно те деятели, кто возглавлял борьбу за эту независимость. Я довольно глубоко интересовался историей и заметил такую вещь: те личности, которые были лидерами в борьбе, не отличились ничем выдающимся в деле созидания после победы. Не все, конечно, но в большинстве своем. И еще: частенько эта борьба была для них

средством достижения собственных, персональных целей. Средством забраться на вершину. Меня такие побуждения не устраивают. Борец должен сделать свое дело и уступить место созидателю, вот.

— А где его возьмут, этого созидателя? — поинтересовался Габлер. — И кто приведет его к власти после победы? Если, конечно, она будет...

Каррин вскинул голову и сказал, словно гвоздь забил:

— Народ!

— А как народ определит, кто именно годится на роль созидателя? — не унимался Крис.

Теперь по не скрытой очками части лица веронца можно было уверенно предположить, что он не улыбается, а морщится.

— Тут можно рассуждать долго, — сказал он. — Есть разные варианты. Не буду их перечислять, мы сейчас не об этом, а вот о чем: те, кто уже начал делить власть, мне доверяют, и я действую в их интересах. Но когда речь пойдет о «Вероне», как отдельном от Империи образовании, я буду не на их стороне. Я и те, кто со мной, не допустят их к вершине.

— Потому что на вершине ты видишь себя? — невинным тоном спросил Габлер.

И вновь Каррин поморщился:

— Ты что, плохо слушал? Я же сказал: тот,

кто борется, не годится в созидатели. А я борюсь, и значит, вершина не для меня. Кстати, на вершине необязательно должен стоять кто-то один, там есть место для целой группы единомышленников. А я найду себе занятие по способностям, Уж если боролся, то и буду бороться. Против попыток Босса — а они, конечно, будут — вернуть нас в состав Империи. На мой век дел хватит.

Габлер не знал, насколько искренне говорит веронец, и решил в эту тему больше не лезть. В конце концов, у него, несостоявшегося грэнда, были свои проблемы.

— Мы и есть та другая стая, о которой говорила тебе Лили, — продолжал Каррин. — Внешне «Верона» едина, но лишь до поры. Пока мы выполняем общую задачу, а дальше пути разойдутся. И наша стая не только сплоченна, потому что мы единомышленники, но и достаточно велика. Вот и Лили, и Здено к нам примкнули. И они не последние. Прежние бунтовщики-студенты наконец повзрослели и стали лучше кое-что понимать, вот. И так далее.

«Это он о тех наталийских студиях — любителях побузить, которых мы успокаивали», — подумал Габлер и все-таки не удержался от вопроса:

— А почему вы решили, что вне Империи вам будет лучше?

— Потому что кормить нам придется только себя, а не других, — ответил Каррин.

Собственно, примерно такие слова Крис и ожидал услышать.

— Та же Империя у вас и получится, — заметил он. — Только планет в ней будет поменьше...

— Именно, — кивнул веронец. — В пятьдесят раз. В пятьдесят! Ты думаешь, мы ничего не просчитывали? Давно все просчитано, Кристиан! И плюсов на порядок больше, чем минусов, да и минусы можно превратить в те же плюсы. Поверь, сил и возможностей у нас хватает.

Габлер вспомнил слова Эрика Янкера о том, что веронцы, возможно, создают свой собственный Стафл, но не стал спрашивать об этом.

— А насчет империи трех планет ты ошибаешься, — продолжал веронец. — Есть гораздо более демократичные формы правления. Триединое государство — да. Но не империя.

«Триединый Беллизон...» — тут же мелькнуло в голове у Криса.

— Замыслы у вас, конечно, масштабные, — медленно произнес он. — А вот насчет конспирации... Ну, пусть я прокололся — так я в Твинсе-то всего ничего. Но почему опытная мистрис Акимжанов позволяет себе сидеть в кабаке под носом у грэндов? Не изменив хотя бы

прическу. Рядом с Октагоном, где она совсем недавно числилась и откуда кое-что похитила. Конечно, не мое это дело, но...

— В столице тридцать миллионов жителей, — прервал его Каррин.

— Ну и что? — подался к нему Габлер. — Я же ее встретил, и так же мог встретить кто-то из ее бывших сослуживцев.

Веронец хмыкнул, потер ладонью широкий подбородок и чуть повернул голову к тихо сидящей за столом справа от Криса риголке:

— Лили, если хочешь...

— Да, — сказала она. — Ты прав, Кристиан, я действительно рисковала. Но пришлось на это пойти. Разумеется, получив разрешение командира. Нам очень хотелось узнать, кто же он такой, этот тип, забравший Копье. Как он влез во всю эту историю и что сделал с Копьем. Нет, мы, конечно, почти не сомневались в том, что ты передал его твоему нанимателю, но нужно было снять это «почти». И вообще, и я, и Здено просто горели желанием пообщаться с автором, так сказать, нашего провала. Вот потому я и постаралась, чтобы ты меня заметил. Только место поудобнее выбирала, и «Аннушка» для этого вполне подошла. Согласен, Кристиан?

С каждой ее фразой Габлеру все больше казалось, что его размеренно и безжалостно бьют

по голове. Прямо по темечку. И каждый удар заставлял его пригибаться все ниже и в конце концов согнул в дугу.

Значит, их встреча была совсем не случайной... А ее поведение... А ее слова... Игра? Игра...

— Ты, часом, не из театральных актеров? — просипел он, когда прошла уже бездна времени и стало просто невыносимо сидеть в этой немислимой скрюченной позе.

— Поневоле научилась, — тихо ответила Лили.

— Оперезая твой вопрос, поясню, как мы тебя обнаружили среди тридцати миллионов, — подал голос Каррин. — В общих чертах, а ты уж сам дорисуй остальное. Всех, входящих в Октагон, фиксируют на постах, в каждом подъезде. То, что зафиксировано, можно, при умении, заполучить. Даже без ведома охраны. Другое дело, что не всегда и не сразу это удается — защиту меняют, хотя особых сложностей там не нагромождают, нет смысла. Так что в какой-то степени нам и повезло. Мнema¹³ твоя у нас была, да и сейчас есть — Лили и Здено постарались, каждую черточку

¹³ Мнema — «фотографирование» образов, возникающих в памяти человека. Производится с помощью унидеска.

вспомнили, — и оставалось только ждать, когда ты выйдешь из Октагона. А потом следить за тобой и выбирать удобное место для встречи. Вот.

В комнате наступила тишина.

— Да-а... — наконец протянул Габлер, усвоив все это. — А Босс меня на службу приглашал... Наслужил бы я ему! Я файтеер, и не более того, хоть и второго ранга. Выше головы не прыгнешь...

Больше всего ему почему-то было обидно за то, что Лили так ловко, так мастерски притворялась с ним.

— И опять обман, блин! — с досадой добавил он и чуть не плюнул на пол.

— А сам-то? — хмуро бросил Шатан от двери. — Кто нас детской игрушкой в отеле провел?

— А кто недавно парализованного тут изображал? — присоединился к нему Каррин. — Мы ведь не на симуляторе забавляемся, Кристиан, это серьезно. Да, рискуем, но нам есть ради чего.

— Вы что, из-за меня на Верке торчите? — поднял брови Габлер.

Каррин отрицательно покачал головой:

— На Вери Роме у нас есть и другие дела. И гораздо более важные. Ты мог бы тоже в них поучаствовать.

— Копье в Октагоне добывать, что ли? — осведомился Крис. — Только теперь уже для вас?

— С Копьем еще раз вряд ли получится... — Каррин вновь потер подбородок. — К нему не подступишься. Но есть и другие цели. Мы же здесь не втроем, Кристиан. Нас тут гораздо больше. Взять Босса в заложники, потребовать независимости. Или и вовсе ликвидировать, устроить крупный дебош, оседлать его, использовать в своих целях...

Крис изумленно откинулся на спинку кресла:

— Ты это серьезно? Или меня проверяешь?

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил веронец.

Габлер некоторое время смотрел в непроницаемые прямоугольники арт-очков, потом обвел взглядом соратников Каррина. Лица у Лили и Здено были такими же непроницаемыми.

— Не знаю, — честно сказал он. — Если бы услышал такое дня два назад, сообщил бы грэндам. А теперь... — Он замолчал.

Скорее всего, Каррин не шутил. И в своих планах подготовил местечко и для него, Кристиана Габлера, — хоть и простоватого, но все-таки неплохо обученного файтера-твинсера...

— Ты мог бы нам здорово помочь, — сказал Каррин, словно услышав мысли Криса. — Возвращайся к грэндам, поступай на службу к Боссу. Как ты на это смотришь?

Это был уже прямой вопрос, и просто проигнорировать его Габлер никак не мог. Согласие

сразу перевело бы его из категории нейтралов в ряды соратников веронцев. А несогласие? Оставляло бы в категории нейтралов — или?...

— А если я не соглашусь? — глухо спросил он. — И притом, доверия мне там уже не будет, там народ не так прост... — Он хотел добавить: «Как я», — но не стал. — Раскусят. И еще: я ведь родом с Форпоста, а не с Великолепной или Натали. Или Роуза. И вообще, планы у меня другие.

Крис отдавал себе отчет в том, что таким ответом ставит себя в очень рискованное положение. Но что сказано — то сказано.

— Жаль, — проронил веронец после короткого молчания. — Очень жаль, мистер Габлер. Но понять тебя можно. И какие у тебя планы, если не секрет?

— Планы... — пробормотал Крис.

«Хотел бы я знать, какие у меня планы, — подумал он. — Лететь домой и искать работу? Хотя могу и собственный бизнес завести, деньги есть... Или в Эксите¹⁴ потрудиться — было ведь такое намерение не так давно... Ага. И в один далеко не прекрасный день исчезнуть. А потом где-то за городом обнаружат в Синей реке мой не

¹⁴ Эксит (от англ. extraordinary situation) — Служба чрезвычайных ситуаций.

подлежащий оживлению труп...»

Каррин вновь словно подслушал его мысли.

— Если бы грэнды намеревались поступить с тобой так, как с этой беллизонкой и твоим товарищем, тебя просто не выпустили бы из Октагона, — сказал он. — Значит, ты для них представляешь какой-то интерес.

— Талисман, — усмехнулся Крис. — Оказался в нужном месте, когда у Янкера были проблемы... Потом одно Копье вернул, с другим помог...

А еще у него состоялся контакт с наблюдателем Иных. И останется ли этот контакт единственным?

«Нет, Солтио, делать меня мертвым вам невыгодно. — Габлеру представились эльфийские уши Шацкого, уши хитреца, готового на все для достижения цели. — Ты все правильно рассчитал: побродит, мол, посидит в кабаках, пар выпустит, подумает, как жить дальше — и вернется. Потому-то ты и оставил открытым для меня путь назад, под руку Босса...»

— Так как насчет планов? — еще раз спросил Каррин.

— Полечу к беллизонцам, на Нова-Марс, — твердо сказал Крис. — Обрисую им картину.

— Ты уверен, что это именно то, что тебе надо?

— Уверен. Так будет честно.

С повисшей в комнате тишиной могло поспорить разве что безмолвие космических бездн.

— Что ж... — наконец произнес Каррин. — Как у нас говорят: «Только дойдя до конца, можно понять, был ли правильным путь». Мешать не буду. Если захочешь, просигнализируй грэндам о наших планах. Может, мозгами пораскинут и сами от нас отделятся, вот.

— Да вы уж как-нибудь сами... сигнализируйте, — отказался Крис.

— Ладно, считай, что я тебе это не предлагал, — сказал Каррин и повернул голову к Шатану. — Здено, подгони машину к двери. Отвезешь мистера Габлера.

Коротконогий здоровяк, угрюмо взглянув на Крису, молча вышел в коридор. Каррин еще немного посидел, постукивая пальцами по подлокотникам кресла, а потом поднялся на ноги и подошел к Габлеру. Тот тоже встал и пожал протянутую руку, на этот раз крепко, не притворяясь.

— Удачи, Кристиан.

Габлер кивнул, но от ответного пожелания воздержался.

— Понятно, — усмехнулся Каррин. — Лили, проводи.

Риголка, оставив детектор на столе,

направилась к двери, и Крис впервые заметил, какая у нее легкая походка. Он догнал Лили уже на хорошо освещенной лестничной площадке — судя по дверям лифта, это была многоэтажка, а не коттедж, — и сказал ей в спину:

— У тебя хорошо получилось, поздравляю.

— А что делать? — на ходу бросила через плечо риголка. — Жизнь заставляет.

К лифту она не пошла, а начала спускаться по ступенькам. Габлер следовал за ней, думая, что бы такое еще сказать, но ничего в голову не приходило. Когда они спустились этажом ниже, Лили остановилась и повернулась к нему. И Крис вновь получил возможность полюбоваться мягким светом ее глаз.

— Выходишь — и сразу в кар, по сторонам смотреть не надо, — произнесла риголка, и это прозвучало как приказ.

— Мне это ни к чему, — повел плечом Габлер. — В гости не набиваюсь.

— А может, надумаешь? — Ее лицо было серьезным. — Ты бы нам не помешал, Кристиан.

— В смысле — пригодился бы?

— В любом смысле. Подумай об этом, ладно?

— Подумаю, Лили.

Больше она ничего не сказала. Пересчитала легкими ногами ступени еще двух лестничных маршей, остановилась и открыла дверь подъезда.

Крис прошел мимо риголки, чуть задержавшись, чтобы в последний раз посмотреть ей в глаза. Словно что-то дрогнуло в их изумрудной глубине — или ему просто показалось? Габлер вышел на крыльцо и, помня о приказе, не стал вертеть головой. Понял только, что сейчас темное время суток и шагнул к открытой задней дверце серовато-голубоватого кара — тот был виден в льющемся из подъезда свете. Вокруг стояла тишина. Судя по запахам, где-то неподалеку росли те самые цветы, которыми веяло от Каррина. Крис едва успел опуститься на пружинящее сиденье, как дверца захлопнулась. Тусклый свет в салоне погас и машина тронулась.

— И куда прикажешь тебя доставить? — раздался спереди недружелюбный голос Здено Шатана.

— Вообще-то, мне надо в космопорт, — сказал Крис. — Но ты двигай куда посчитаешь нужным, а там я такси вызову.

— Правильно, домой соваться не надо. Мало ли...

Габлер закрыл глаза, чтобы не видеть ничего вокруг. Тогда уж ни под какой отверткой он не сможет сказать, где находится тайный пункт веронцев.

— Только не думай, что вот сейчас улетишь, и все, — вновь подал голос Шатан. — Я тебя все

равно достану.

— Доставай, — миролюбиво сказал Крис, не открывая глаз.

— И достану!

Габлер вспомнил рыжего твинсера, которому разбил нос в уникаре после гибели Арамиса, и добавил:

— Только придется в очередь записаться, потому что есть и другие желающие поквитаться со мной.

— Я вне очереди пойду, — зловеще заявил веронец.

— Не возражаю.

Шатан засопел и больше ничего не говорил. Точнее, что-то буркнул минут через пять, высаживая Крису у стоянки такси, — и уехал.

Глава 2. Против течения

Космопорт «Столичный» находился в двух сотнях километров от Грэнд Ромы, неподалеку от побережья Тирренского океана. Еще по пути туда, в аэротакси, Крис принялся заказывать билет на галеру «Марк Фурий Камилл». Поскольку до ее отлета на Нова-Марс оставалось всего четыре с лишним часа, Габлеру смогли предложить только каюту «повышенной комфортности». Вся эта комфортность заключалась в наличии,

дополнительно к ложу, дивана, а также мини-бара и чего-то там еще не менее важного для пассажира, типа ароматизатора и чесателя пяток. Ну, или какого-то другого прикамбаса в том же духе. И за такой «суперкомфорт» требовалось заплатить чуть ли не в два раза дороже, чем за обычный билет. Был и другой вариант — транзит через Единорог, но Габлер не стал мелочиться. И не только потому, что не желал тратить время, делая крюк. Перед тем как заказывать билет, он достал из футляра банк-кард и был приятно удивлен состоянием своего счета. Сумма, которая еще вчера числилась там, возросла на порядок! Конечно, это были не те горы денариев, что сулил Янкер, но и третьей части этих денег вполне хватало для длительного безбедного существования. Так что каюту «повышенной комфортности» он мог себе позволить. Это был обещанный Императором бонус за удачную экспедицию на Аполлон, и деньги поступили вчера вечером. Номер его счета грэнды, разумеется, узнали без труда — из личного дела регулярар Твинса Кристиана Конрада Габлера. Такое вливание свидетельствовало о том, что грэнды на тот момент еще не доложили Боссу о его, Габлера, выходке. Или же Цезар Юлий не ставил выплату вознаграждения за выполненную работу в зависимость от дальнейшего поведения поощряемого лица. Были и другие варианты, но

Крис не стал их перебирать. Только с горечью подумал, что ни Арамис, ни Кирилл Устинюк таких денег не увидели. Хотя Кирилла, если бы он не погиб на Аполлоне, скорее всего, ждала бы участь Арамиса. А Низа, конечно же, вообще ничего не взяла бы от Босса...

В порту Габлер успел дважды выпить кофе — как всегда, он предпочел остывший — и пройтись по шопам, чтобы прикупить необходимые в быту вещи: зубную пасту, шейв-пенку, маникюрный набор, нижнее белье на смену и прочее. Покупки он уложил в приобретенную тут же небольшую заплечную сумку типа файтевского нэпа, а вот новой верхней одеждой решил не обзаводиться. На Нова-Марсе он был не очень давно, и в Стронгхолде, судя по инфе унидеска, погода оставалась почти такой же теплой. Хотя там, как и в Грэнд Роме, стояла глубокая осень. В тех широтах вполне уместными были его черные джинсы и такого же цвета свитер с красной и серебристой линиями — одежда, которую он подобрал для встречи с Императором. Правда, уже покончив с покупками, Крис все-таки подумал о том, что погода — штука переменчивая, и дело-то в тех краях, куда лежал его путь, идет не к лету, а к зиме. Результатом этого вполне очевидного умозаключения явился новый поход по тем же шопам, и вышел оттуда Габлер уже в легкой куртке

цвета «океанской сини» — так ему сказал продавец. В один из ее карманов и переместился мраморный единорог — присутствие в кармане джинсов этой фигурки размером в две трети ладони, да еще и с острым рогом, не позволяло ощущать «повышенную комфортность».

Покончив с шопингом, Крис достал унидеск и обнаружил сообщение прадеда Хенрика:

«Крис, я рад, что до тебя наконец-то дошло!»

Габлер недоумевающе поднял брови, и только открыв свой мейл bravому прадеду, понял, что тот имел в виду. Это был ответ на послание, которое он, Габлер, отправил родственнику из парка перед тем, как получил укол «веретенном» от Лили. Тогда он писал, что Хенрик был прав: Император действительно — козел!

«Хенрик, я тоже рад, что до меня дошло!» — написал он и тут же сочинил короткий мейл родителям. Мол, у него все хорошо, отправляется на очередное задание и шлет всем привет. Когда вернется — не знает. С деньгами у родителей проблем не было, и делиться с ними императорским бонусом Габлер не стал. Он сделал другое: открыл новый счет и перекинул туда почти все деньги со старого. Для собственного спокойствия. Вот теперь можно было идти на регистрацию. В то, что грэнды могут воспрепятствовать его отлету со столичной планеты, Крис не верил. Правильно Каррин

говорил: если бы они захотели задержать его, то не выпустили бы из своего гнезда — Октагона. И в свою квартиру, скорее всего, он мог бы вернуться без проблем. Но кто его знает... Если его там и поджидают, то что, в первую очередь, должны подумать? Загулял регуляр, по кабакам пошел, а теперь где-то с хошкой¹⁵ забавляется. Или с хошками. Понятное дело — бывший файтек, у них манеры такие...

Добиться встречи со жрецами Триединого на Нова-Марсе можно было двумя путями. Первый — явиться к Локу, который уже устраивал ему свидание с Энгилейноном, и убедить его в том, что такая встреча для него, Габлера, очень важна. Но получится ли этот вариант? Одна-единственная беседа за ужином, пусть и довольно задушевная, отнюдь не гарантировала согласия Лока на подобную самодеятельность. Вероятнее всего, номианский твинсер сообщит начальству об этой просьбе, и финал будет предсказуемым. Так что такую идею следовало отбросить. Значит, оставался единственный выход: взять напрокат уникар и самому лететь в Пятнистые горы. Опуститься на «плато Триединого», войти в храм Беллизона... И бродить по подземным переходам невесть сколько

¹⁵ Хошка, хо (от англ. whore) — проститутка.

времени, в надежде, что жрецы снизойдут до общения с ним. Но других вариантов Габлер не видел. Не мотаться же наугад по селениям беллизонцев в поисках проводников... Правда, он давал Энгилейнону свой номер, и Низа выходила с ним, Крисом, на связь. В Кришне. В его унидеске сохранился ее коннект, но это мог быть разовый номер. Да и где теперь она, Анизателла?...

У Габлера защемило сердце.

...Путь до здешнего саба¹⁶ был неблизким. Крис подремал в своей сверхкомфортной каюте, а потом плотно позавтракал в кабаке «Веселый симпозиум¹⁷». Никакого веселья в почти пустом зале не наблюдалось, для этого еще не настало время. Музыка не играла, два серва сидели за столом, о чем-то беседуя, а вышибала дремал на стуле, свесив мощные руки с коленей. В разных концах зала что-то жевали одинокие пассажиры, да возле стены капризничал на руках у матери кудрявый мальчонка. Никакого спиртного Габлер не заказывал, а вот кофе выпил. Две чашки.

В каюту возвращаться не хотелось, и Крис устроился на диване в холле, под клеткой с серыми

¹⁶ Саб — подпространственный тоннель.

¹⁷ Симпозиум — вечеринка, пиршество в Древнем Риме.

круглохвостками — безошибочными определителями отравляющих веществ. Здесь было еще меньше народу, чем в «Симпозиуме», а точнее — вообще никого не было. Разве что целеустремленно прошел мимо коренастый гард в зеленой униформе.

В кармане джинсов тренькнул унидеск. Габлер достал его — это пришел мейл от Гранаты.

«Салвэ¹⁸, Гладик! — писал бывший сослуживец по Стафлу. — Готовь поляну, на днях буду. У нас репетиция в «Форуме». Как дела? У нас все замечательно, ну, ты знаешь. Хоть много времени проводим в кабаке, Конфайн¹⁹ всегда на прочном, блип, замке!»

Габлер усмехнулся — без рифмочек своих Гамлет Мхитарян, как всегда, не мог. В феврале будущего года, в честь юбилея Стафла, в столице Империи должен был состояться грандиозный концерт. С участием дарований Стафла, в число которых попал и носатый фэйтер легиона «Минерва» — автор и исполнитель песен под гитару. И вот он прилетит на репетицию в столицу.

¹⁸ Salve (лат.) — здравствуй. Форма приветствия, принятая в Стафле.

¹⁹ Конфайн — условные границы Румы Юниона.

Хороший повод для встречи с сослуживцем, но...

Габлер зашевелил пальцами над панелькой, набирая сообщение:

«Салвэ, Гамлет. Очень рад был бы тебя видеть, но меня не будет на Верке. Не спешి вешать носяру, еще встретимся».

Он отправил мейл, еще немного посидел в холле и побрел в свою каюту. Принял душ, достал из сумки новое белье, но надевать не стал. Голым растянулся на ложе, закинул руки за голову и уставился в потолок. И, наверное, опять задремал, потому что ему привиделась Низа. Она сидела рядом с ним, и он знал, что сейчас не ноябрь, а только начало августа — того самого, столь богатого событиями, — и он, Крис, находится в ее каюте на улетающей от Нова-Марса галере «Гней Помпей Магн». Горел плоский светильник под потолком и витал в воздухе едва уловимый знакомый аромат.

— Дилильтэо уничтожили Атлантис и забрали часть атлантов к себе, на Дилиль, — услышал он ее голос. — Так потом получились мы, беллизонтэо. И многие из беллизонтэо переселились на Милиль, Нова-Марс... Посмотри на меня!

Он увидел раскосые черные глаза, наполненные мраком. И тут же они изменили форму и стали изумрудными. Низа вновь, как сегодняшней ночью, превратилась в Лили

Акимжанов, и откуда-то донеслась трель унидеска.

Габлер вздрогнул и открыл глаза. Сразу все сообразил, потянулся к креслу и вытащил унидеск из кармана брошенных на подлокотник джинсов. Посмотрев на высветившееся имя, невольно поежился: это был Солтио Шацкий. Крис отложил аппарат, надел трусы, уселся в кресло и только тогда вышел на связь. В озе ²⁰ появилась безволосая голова с острыми эльфийскими ушами. Никаких эмоций ни во взгляде, ни на лице палатинца Габлер не заметил.

— Добрый день, Кристиан, — вполне дружелюбно сказал Шацкий.

— Добрый, — сдержанно кивнул Габлер.

— Хорошо выглядишь, — начал переливать из пустого в порожнее октагонский небожитель.

— А должен плохо? — Крис чуть заметно усмехнулся, и вопросом своим, и усмешкой давая понять, что грэнду не стоит ходить вокруг да около и надо бы переходить к сути.

— Да я, честно говоря, думал, что ты сорвешься по кабакам, — доверительным тоном произнес Шацкий. — Но по тебе не видно. Судя по задержке с репликами, ты или не совсем проснулся, или... — Он замолчал.

²⁰ Оза — объемная зона унидеска.

— Или, — сказал Габлер.

Врать не имело смысла. Шацкий без особого труда мог бы установить, что абонент находится вне пределов Вери Ромы. Да и задержку никуда не денешь — галера «Марк Фурий Камилл» уже успела проделать немалый путь по системе Юпитера, и сигналам приходилось преодолевать все большее расстояние. И вообще, в случае необходимости грэнд мог устроить проверку всех галер, ушедших сегодня ночью и утром со столичной планеты. Он, Габлер, напрасно тешил себя иллюзиями о том, что запросто ускользнет от палатинцев. Может быть, именно это и намерен сказать ему Шацкий?

— Понятно, — вновь вполне миролюбиво произнес грэнд. — Значит, решил, так сказать, не откладывать в долгий ящик.

— Что не откладывать? — спросил Крис, хотя уже сообразил, что имеет в виду Шацкий.

— Визит к беллизонским жрецам, что же еще? — подтвердил его мысль палатинец. — Чтобы поделиться новостями. Ты же, как я понимаю, летишь на Нова-Марс. На «Камилле». Или я не прав?

Габлер промолчал. Шацкий подождал и слегка сдвинул брови:

— Я думал, ты быстрее остынешь, Кристиан.

— А с чего ты взял, что я вообще собираюсь

остывать? — Габлер чувствовал, как в нем нарастает раздражение. — Ведь речь не о каком-то там карточном долге идет. Его-то можно и простить...

Грэнд поморщился:

— Кристиан, мы об этом уже говорили вчера. Прощают виноватого. Причем сначала нужно определить, есть ли вообще вина. Не стоит брать на себя роль судьи, каждый должен заниматься своим делом.

Габлер чуть не влез лицом в озу и спросил:

— Солтио, скажи честно: это вы убили Арамиса? — Он понимал, что задавать такой вопрос глупо, но все-таки не удержался.

Шацкий молчал, и в глазах его Крис ничего не мог разглядеть.

— Вот тебе и плоды, так сказать, долгих размышлений, — наконец произнес грэнд, и в голосе его прозвучало что-то похожее на сочувствие. — Думал, думал и надумал... Скажу «да» — значит, солгу. Скажу «нет» — судя по твоему настрою, не поверишь. Поэтому отвечать на твой вопрос не буду. А насчет беллизонцев... Я тебе уже говорил и еще раз повторю: ты просто не знаешь правил. Поработаешь, наберешься опыта, перестроишься — вот тогда и поймешь, что мы все делаем так, как надо.

— Кому надо? Вам?

Крис почти не сомневался в том, что гибель Арамиса подстроили именно грэнды, руководствуясь своими правилами. Почти не сомневался. Почти...

— «Нам» — это кому? Кого ты имеешь в виду, Кристиан?

— Вас, грэндов. Палатинцев. Верхушку.

— Мы делаем так, как надо Империи. И ты тоже один из нас. Я сегодня говорил с Императором, и он не будет торопить тебя с ответом. Я уверен, что здравого смысла у тебя достаточно, и потому уже считаю тебя одним из нас.

— Но после посадки в «Стронгхолде» не дашь мне и двух шагов сделать, — пробормотал Габлер.

— Я?! — округлил глаза Шацкий.

— Ну, не ты лично, а твои... единомышленники.

Грэнд некоторое время с силой тер лицо ладонями, а потом вновь взглянул на Криса:

— Дам тебе добрый совет. До Нова-Марса времени у тебя достаточно, ты бы сходил на релакс. Термы там, массаж, ароматерапия и прочее. Средства ведь тебе позволяют, насколько я знаю. Отстранишься от всего, воспаришь, так сказать, за пределы Вселенной — и мозги на место встанут. Вновь все будешь видеть в нормальном свете, а не искаженно. Очень тебе советую, Кристиан. Это

лучше всяких кабаков.

Первым порывом Габлера было заявить, что не нужны ему деньги Императора, на которые намекал Шацкий. Однако он сдержал свой порыв. С чего бы это отказываться от вознаграждения за хорошо выполненную работу? Значит, двери в Октагон для него пока держали открытыми... Если Шацкий не лжет. И из этого можно было извлечь пользу — Крис вдруг ощутил себя опытным комбинатором.

— Спасибо за совет, — сказал он. — В кабаки я и не собираюсь. Похоже, я этот этап уже пережил. Если ты считаешь, что я один из вас, помоги связаться со жрецами.

— Без проблем. На Нова-Марсе тебя встретят.

— Кто? Лок?

— Да, скорее всего, он. Сейчас сброшу тебе его номер, на всякий случай.

— У меня есть, он мне в прошлый раз дал.

— Понятно. — Грэнд немного помолчал. — В общем-то, это даже хорошо, что ты туда собрался. Ну, не то чтобы хорошо, но если уж ты принял такое решение... Объяснишь им положение дел, чтобы никаких надежд не питали. Тут единственное опасение... — Шацкий принялся теребить свое острое ухо.

— Какое? — спросил Габлер. — Что они резню устроят, когда узнают, как Босс их

облапошил?

— Ты бы все-таки подбирал слова, — уже без прежней мягкости сказал палатинец. Но тут же вернулся к прежнему тону: — Да нет, в полиции сейчас там кое-что меняют... Укрепляют... Ты вот что, Кристиан, — он строго посмотрел на Габлера. — В гнездо к ним не лезь. Общайся в порту или в Стронгхолде. Даже если будут в гости звать.

— Думаешь, после таких известий меня все-таки принесут в жертву Триединому?

— А ты так не думаешь?

— Послушай, Солтио... Я не испытываю никакого желания быть зарезанным, потому что это не я обманул беллизонцев... Я скажу, кто их обманул, я все им расскажу, и они мне поверят. Если бы я был посвящен в ваши действительные планы, как убежден Энги, стал бы я к ним лезть?

— А лучше бы и не лез, — жестко сказал Шацкий.

— Не лучше! — упрямо мотнул головой Габлер. — У меня свои понятия о... — Он не договорил. Бесполезно было сыпать словами — грэнды жили в ином слое бытия.

Шацкий вздохнул:

— Ну никак ты не хочешь понять... — Он тоже оборвал себя. — В общем, хочешь все им рассказать — рассказывай. А в храм не суйся.

Понял?

— Я сам буду решать, — твердо ответил Габлер.

Грэнд издал какой-то тоскливый звук и вновь с силой потер лицо.

— Ладно, — опустил руки Шацкий. — Займись релаксом, потом все еще раз обдумай, и, я уверен, здравый смысл победит. Представляешь, как они воспримут известие о гибели Анизателлы? Это плюс к сообщению о том, что об отделении от Империи им не стоит и мечтать. Да еще Энгилейнон у нас за решеткой... Побушевал он изрядно и срок себе вполне заработал.

— Вы ему все рассказали?

— Да. Но судебное разбирательство нам ни к чему, сам понимаешь. Посадим — жрецы будут народ мутить, акции устраивать, шуметь... Да и надо же хоть какой-то позитив им дать, после всего... Поэтому скажешь там, что мы его выпустим, но попозже. Когда перестанет на всех бросаться. Ну, и прямым текстом предупредим, чтобы он тебя не трогал. И предупредим очень серьезно. Такие последствия нарисуем, что у него и в мыслях не будет дергаться, ты уж не сомневайся. Мы знаем, чем его зацепить. Так что на этот счет будь спокоен.

Габлер молча кивнул. Он не знал, можно ли верить грэнду или смириться с тем, что после

приземления его, Криса, схватят. Смириться? Но ведь есть спасательные шлюпки! Он уже пользовался такой возможностью, стараясь скрыться от Низы, и Годзилла пользовался, когда летел на Амазонию. Прodelать это у финиша и совершить посадку возле Пятнистых гор... Но Шацкий, разумеется, должен предусмотреть такой вариант, если действительно грэнды намерены убрать последнего охотника за Копьем. А убрать-то, собственно, можно и прямо здесь, на борту галеры — и способы найдутся, и исполнители...

Габлер только сейчас обнаружил, что Шацкий уже ничего не говорит и смотрит на него. Вполне благодушно смотрит.

— И все-таки, где гарантия, что вы не сцапаете меня у трапа?

— Сейчас поклянусь тебе самой страшной клятвой, — усмехнулся палатинец. — А в подтверждение отрежу и сжую собственное ухо. Кончай этот детский сад и иди на массаж. Если уж на то пошло — зачем тебя хватать у трапа? Сигнал капитану — и ты будешь заблокирован в собственной каюте... Только не дергайся, — добавил он, заметив произвольное движение Криса. — Ты же устройство галер изучал в Стафле, знаешь, что при необходимости можно в любом месте создать изолированные отсеки. Я за время

нашего с тобой разговора уже успел бы такой возможностью воспользоваться. И доступ к шлюпке был бы уже заблокирован. Когда закончим разговор, можешь и дверь проверить, и сезам²¹. Кстати, о шлюпке. Не стоит лезть в нее, это тебе лишние хлопоты. И, между прочим, все издержки, связанные с ее поиском и доставкой в космопорт, тебе придется оплачивать из собственного кармана. Плюс штраф. Солидный штраф... Если эти деньги тебе не нужны, отдай их лучше в какой-нибудь благотворительный фонд.

— Ладно, — сказал Габлер. — Может быть, я действительно нуждаюсь в релаксе.

— Приятно слышать разумные речи, — улыбнулся Шацкий, и в этой улыбке, кажется, участвовали и глаза. — И учти: Лок не будет сообщать беллизонцам, что прилетишь именно ты. Просто скажет: Император посылает своего представителя, чтобы кое-что обсудить. И все. Ни слова о том, что эта встреча связана с вашим полетом на Аполлон. Да Лок и понятия не имеет об этом полете. Если жрецы узнают, что прибываешь именно ты, Кристиан Габлер, у них же сразу возникнет вопрос: а почему без Анизателлы, если

²¹ Сезам — механизм открывания (в данном случае — люка спасательной шлюпки).